
ПОЗДНЯКОВА АННА СЕРГЕЕВНА

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса
Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, oAPozdniakova@msal.ru

ПОЗДНЯКОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ

полицейский МУ МВД России «Оренбургское», 460040, Оренбургская область,
г. Оренбург, пр. Гагарина, 21, pzdnkv01@mail.ru

СОСТОЯНИЕ ДОЧЕРНОСТИ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРАВОВОГО СТАТУСА ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

POZDNYAKOVA ANNA SERGEEVNA

*candidate of legal sciences, Associate Professor of the Department of Civil law and
civil procedures of Orenburg Institute (Branch) of Moscow State Law University named
after O.E. Kutafin, 460000, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50,
oAPozdniakova@msal.ru*

POZDNYAKOV ALEXANDER ALEKSEEVICH

*Police officer of the Orenburg Regional Police Department of the Ministry of Internal
Affairs of Russia, 460040, Orenburg, 21 Gagarin Ave., pzdnkv01@mail.ru*

THE STATE OF SUBSIDIARY STATUS AS AN ELEMENT OF THE LEGAL STATUS OF A LIMITED LIABILITY COMPANY

Аннотация. Статья посвящена анализу оснований возникновения и правовых последствий отношений дочерности, определяющих статус общества с ограниченной ответственностью. Исследуются вопросы привлечения к ответственности основного общества по долгам дочернего, а также в случае несостоятельности (банкротстве) последнего. Сделан вывод о том, что основное общество вправе определять решения дочернего, но исходя из принципа добросовестности участников гражданского оборота может делать это до определенной степени, не парализуя волю дочернего общества и не превращая его тем самым в свое обособленное подразделение.

Ключевые слова: общество с ограниченной ответственностью, дочернее общество, зависимое общество, основное общество, преобладающая доля участия, солидарная ответственность, субсидиарная ответственность, указания дочернему обществу, согласие основного общества, контролирующее лицо, регрессные обязательства.

Review. The article is devoted to the analysis of the grounds for the emergence and legal consequences of subsidiary relations that determine the status of a limited liability company. The issues of holding the parent company accountable for the debts of the subsidiary, as well as in the event of insolvency (bankruptcy) of the latter, are being investigated. It is concluded that the parent company has the right to determine the decisions of the subsidiary, but based on the principle of good faith of participants in civil turnover, it can do so to a certain extent without paralyzing the will of the subsidiary and thereby turning it into its own separate division.

Key words: limited liability company, subsidiary, parent company, dominant participation, joint liability, subsidiary liability, directions to the parent company, the consent of the main society, controlling person, recourse obligations.

Возможность одних юридических лиц создавать другие юридические лица закреплена действующим законодательством и реализуется по разным причинам. Создание коммерческих организаций, находящихся в зависимости у иных организаций, обусловлено главной целью получения прибыли. Так, некоммерческие организации могут инициировать создание коммерческих организаций с целью направ-

ления полученной ими прибыли на достижение уставных целей, материально-хозяйственное обеспечение различных видов общественно полезной деятельности их учредителей¹. При этом зависимость между коллективными субъектами может быть разной. Пунктом 1 статьи 6 Закона об обществах с ограниченной ответственностью (далее – Закон об ООО²) предусмотрено право общества с ограниченной от-

¹ Суханов Е.А. О систематике юридических лиц в современном российском праве // Кодификация российского частного права 2019. Под ред. Д.А. Медведева. «Статут», 2019. С. 85.

² Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

ветственностью создавать на территории РФ и за ее пределами дочерние и зависимые общества. Общество признается зависимым, если основное общество имеет более двадцати процентов уставного капитала первого общества (п. 4 ст. 6 Закона об ООО). По мнению А.В. Габова, цель закрепления связи «преобладающее – зависимое» заключается в реализации одной из линий развития – специфики управления³. В данном случае имеет место основанная на участии в уставном капитале имущественная зависимость, поскольку успешность деятельности зависимого общества в пределах участия основного отражается на материальном положении последнего. Зависимость же дочернего общества является организационной и определяется таким критерием, как возможность основного общества определять решения, принимаемые дочерним обществом. К примеру, увеличение размера участия основного общества в уставном капитале дочернего более пятидесяти процентов свидетельствует о качественном преобразовании имущественной зависимости в организационную. Как справедливо отмечает И.С. Шиткина, право одного хозяйственного общества (или товарищества) определять решения другого общества, которое в связи с этим становится дочерним, является «доминирующим для возникновения отношений дочерности»⁴. Если такая возможность реализуется, данное обстоятельство предопределяет ответственность основного общества по обязательствам дочернего. Таким образом, состояние дочерности является особым видом зависимости одного хозяйственного общества от другого, влекущим вполне определенные правовые последствия.

Самостоятельность и ответственность являются базовыми составляющими участия юридических лиц в гражданском обороте. Гражданское законодательство, признавая юридическое лицо субъектом права (ст. 48 ГК РФ), наделяет его как участника экономических отношений такими свойствами, как равенство, имущественная самостоятельность и автономия воли (п. 1 ст. 2 ГК РФ). Допуская создание юридическим лицом филиалов и представительств как обособленных подразделений, закон вместе с тем позволяет создавать дочерние общества, которые, однако, должны обладать вышеизложенными признаками, прежде всего, автономией воли, организационной самостоятельностью. С учетом изложенного не может быть и речи о создании фиктивных субъектов, которые формально наделены собственным интересом, но фактически представляют собой инструмент для реализации интересов других лиц. Такая ситуация противоречит принципу самостоятельности и независимости юридического лица. Продолжая традицию образности выражений в корпоративном праве, заметим, что «дочка» изначально является «со-

вершеннолетней», то есть, с самого момента создания обладает собственной правосубъектностью. Ситуацию серьезным образом осложняет то обстоятельство, что основное общество вправе определять решения дочернего, но исходя из принципа добросовестности участников гражданского оборота может делать это до определенной степени, не парализуя волю дочернего общества и не превращая его тем самым в свое обособленное подразделение.

Конструкция «сложного юридического лица», в которой правами юридического лица одновременно могли наделяться как организация в целом, так и отдельные предприятия (организации), входящие в ее состав, была известна советскому праву и применялась в отношении трестов, организаций потребительской кооперации⁵. На сегодняшний день разделение правосубъектности не допускается, исходя из чего одно юридическое лицо не может быть частью другого. Вместе с тем в современной реальной экономике достаточно распространеными являются отношения холдингового типа, что требует институционализации отношений экономической зависимости юридических лиц. Однако, из содержания положений статьи 67.3 Гражданского кодекса РФ, а также статьи 6 Закона об ООО следует лишь защита прав кредиторов дочернего общества и его участников, правовой статус самого дочернего общества никак не обозначен. При этом нуждаются в уточнении два основных момента: каким образом следует распределять убытки после расчетов с кредиторами между основным и дочерним обществом в случае возложения солидарной ответственности на основное общество по долгам дочернего, а также какова судьба дочернего общества в случае его несостоятельности по вине основного общества и привлечения последнего к subsidiарной ответственности по его долгам? Представляется, что отсутствие специального правового регулирования данных вопросов в большей мере способствует использованию корпоративного контроля в целях мошенничества, иной противоправной деятельности. Прав А.Н. Захаров, отмечающий, что «правовое регулирование должно быть направлено на минимизацию вмешательства основного общества в дела дочернего, а главной функцией такого регулирования является поддержание принципа самостоятельности юридического лица и независимости от его участников»⁶.

Пунктом 2 ст. 67.3 ГК РФ определен перечень оснований, при наличии которых, несмотря на отношения дочерности, ответственность основного общества по долгам дочернего не наступает. К таковым относятся: голосование основного хозяйственного общества по вопросу об одобрении сделки на общем собрании участников дочернего общества, а также одоб-

³ Габов А.В. Экономическая зависимость юридических лиц: отдельные размышления о развитии института // Гражданское право. 2022. № 3. С. 14.

⁴ Шиткина И.С. Основания и правовые последствия отношений дочерности хозяйственных обществ (комментарий к ст. 6 Закона об ООО) // Хозяйство и право. 2020. № 7 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Гражданское право: учеб.: в 3 т. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева. М.: Проспект, 2021. С. 143.

⁶ Захаров А.Н. Привлечение основного общества к солидарной ответственности по обязательствам дочернего общества : дис. ... канд. юрид. наук: М., 2015. С. 10.

рение сделки органом управления основного хозяйственного общества, если необходимость такого одобрения предусмотрена уставом дочернего и (или) основного общества. По мнению И.С. Шиткиной, «совершенно очевидно, что целью этих поправок было фактически «заблокировать» применение нормы об ответственности основного общества по сделкам дочернего, совершенным последним в ходе текущей хозяйственной деятельности»⁷. Д.В. Ломакин, расценивая данное ограничение как неоправданное, отмечает, что если экономико-правовая связь между обществами строится по модели преобладающего участия основного общества в уставном капитале дочернего, то «общее собрание акционеров последнего – это та основная форма, посредством которой контролирующий субъект влияет на процесс волеобразования зависимого лица», такой акт одобрения сделки легитимирует ее совершение и представляет собой выражение согласия⁸. Соглашаясь с приведенным утверждением автора, отметим, что в рассматриваемой ситуации речь идет о корпоративных процедурах, соблюдение которых известно третьим лицам в силу закона (п. 6 ст. 52 ГК РФ). Такая явная демонстрация организационной зависимости (прозрачный механизм воздействия основного общества на дочернее) предполагает ее обязательный учет кредиторами при принятии решения о заключении сделки с дочерним обществом, что обоснованно исключает ответственность основного общества. Отметим, что преобладающее участие основного общества в уставном капитале дочернего, в силу которого основное общество имеет возможность определять решения, принимаемые дочерним, само по себе является признаком дочерности. Однако данного обстоятельства недостаточно для привлечения к ответственности основного общества по долгам дочернего.

Если же со стороны основного общества имеет место фактическое воздействие, оформленное в виде электронных сообщений, протоколов совещаний, служебных записок и т.п., выявить и довести до сведения третьих лиц какую-либо системность относительно категорий или количества сделок, в отношении которых осуществляется такое воздействие, не представляется возможным. А.В. Габов, размышляя о феномене экономической зависимости юридических лиц, описывает ситуацию, в которой лица, формально являющиеся самостоятельными субъектами правоотношений, «в реальности реализуют интересы иных лиц или, говоря иначе, *решения которых принимаются не из собственного рационального экономического интереса, который преследовало бы в ана-*

логичных условиях любое свободное от влияния лицо, а представляют собой реализацию интереса другого лица (лиц), которое (которые) в силу различных оснований (связи) может (могут) влиять на принятие решения таким формально самостоятельным лицом (выделено А.В. Габовым – авт.)»⁹. К сожалению, примеры подобного рода зависимостей не являются редкостью. Так, в одном из определений Верховного Суда РФ приведена следующая формулировка: «Основная функция ООО «Дальнняя степь» состояла в том, что общество должно было выступать в качестве *средства*, с помощью которого Фонд Эрмитаж владел акциями ПАО «Газпром» и акциями других российских предприятий»¹⁰. В такой ситуации очевидна угроза правам и интересам кредиторов дочернего общества в части возможности злоупотреблений основным обществом и совершения им действий мошеннического характера, когда конструкция юридического лица используется в противоречии с ее назначением, а организация является фиктивной. Примерами мер по предотвращению подобных нарушений являются более строгие требования к раскрытию информации о каждом из обществ, а также приведение в действие механизма «снятия корпоративных покровов».

Таким образом, ответственность основного общества по долгам дочернего порождают лишь неявные, скрытые способы воздействия, ориентирами для наличия которых выступают названные в п. 2 ст. 6 Закона об ООО обстоятельства, как-то: преобладающее участие одного (основного) хозяйственного общества или товарищества в уставном капитале другого хозяйственного общества, либо заключенный между ними договор, или иной способ определять решения, принимаемые дочерним обществом. Как видим, данный перечень является открытым, а названные обстоятельства определяются ситуативно, а потому нуждаются в судебной оценке. Так, В.В. Громов, написавший свою работу задолго до внесения изменений в ГК РФ с 01.09.2014, а также изменений, внесенных Федеральным законом от 29.06.2015 № 210-ФЗ¹¹, под возможностью основного хозяйственного общества определять решения дочернего общества, в частности, предлагал понимать возможность определять решения хотя бы одного любого органа управления дочернего общества, а также так называемое «косвенное» преобладающее участие, либо наличие отношений служебной подчиненности между единоличными исполнительными органами основного и дочернего хозяйственных обществ¹². Верховный Суд РФ в определении от 18.12.2018 № 305-ЭС18-12143 по

⁷ Шиткина И.С. Указ. соч.

⁸ Ломакин Д.В. Принцип самостоятельной ответственности юридического лица: правило и исключения // Вестник гражданского права. 2020. № 1. С. 101.

⁹ Габов А.В. Экономическая зависимость юридических лиц: отдельные размышления о развитии института // Гражданское право. 2022. № 3.

¹⁰ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 06.08.2018 № 308-ЭС17-6757(2,3) по делу № А22-941/2006 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Федеральный закон от 29.06.2015 № 210-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 27. Ст. 4001.

¹² Громов В.В. Правовой статус основного хозяйственного общества как субъекта гражданско-правовой ответственности по обязательствам дочернего общества. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 12-13.

делу № А40-113011/2017, включенном впоследствии в обзор судебной практики, указал, что фактическая возможность определять решения о привлечении к ответственности основного общества не связана напрямую с размером участия одного общества в уставном капитале другого или наличием договора между ними, а обусловлена, например, корпоративной структурой группы компаний, порядком заключения сделок, установленным внутри такой группы, степенью участия в управлении обществом со стороны иных участников общества и т.д. Поэтому отсутствие формального признака контроля (50% и более участия в уставном капитале дочернего общества) не препятствует установлению наличия иной фактической возможности определять решения, принимаемые дочерним обществом. Удовлетворение таким дополнительным критериям подлежит оценке с учетом доказательств, представленных сторонами¹³.

Правило о солидарной ответственности основного хозяйственного общества по сделкам, заключенным дочерним обществом во исполнение обязательных для него указаний основного общества, в первую очередь, направлено на правовую защищенность кредиторов. Ответственность основного общества является ответственностью из деликта и носит предпринимательский характер, поскольку возлагается независимо от его вины. Единственным основанием, исключающим ответственность предпринимателя, является действие непреодолимой силы, то есть чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств (п. 3 ст. 401 ГК РФ).

По результатам реализации мер ответственности подлежат применению общие правила регрессных обязательств, возникающие на основании факта возмещения одним лицом вреда, причиненного действиями иного лица. Сущность охранительного регрессного правоотношения состоит в восстановлении правового положения регредиента, совершившего действия за других лиц, поскольку основной его функцией является компенсационная¹⁴. В соответствии с положениями п. 2 ст. 1081 ГК РФ причинитель вреда, возместивший совместно причиненный вред, вправе требовать с каждого из других причинителей вреда долю выплаченного потерпевшему возмещения в размере, соответствующем степени вины этого причинителя вреда.

По мнению А.В. Габова в данном случае имеет место ответственность основного общества за собственные действия, которыми формально независимое дочернее общество было понуждено совершить сделку¹⁵. Вместе с тем в регрессном обязательстве необходимо определять степень вины каждого общества. Возложение ответственности в полном объеме

на основное общество возможно лишь в ситуации, когда будет доказано полное отсутствие автономии воли у дочернего общества. Как представляется, полного освобождения основного общества от ответственности в регрессном обязательстве быть не может, поскольку это противоречит самой сути ответственности основного общества по долгам дочернего, носящей «исключительный характер, когда основное общество злоупотребляет «оболочкой юридического лица», специально создает дочернее общество, чтобы переложить на него ответственность, избегая при этом возложения такой ответственности на себя»¹⁶. Подобные действия основного общества представляют собой самостоятельное гражданское правонарушение в виде злоупотребления правом (ст. 10 ГК РФ). Отметим, что понятие вины основного общества в данном случае применимо не к самому ведению предпринимательской деятельности, а к объему и способам воздействия на дочернее общество.

При невозможности установления степени вины каждого общества доли выплаченного потерпевшему возмещения признаются равными (п. 2 ст. 1081 ГК РФ). К примеру, Постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда от 27.04.2023 № 09АП-10619/2023 по делу № А40-254760/2022 установлено, что истец (ООО) заключил с третьим лицом договор займа для пополнения оборотных средств с уплатой процентов за пользование займом в размере 15,5% годовых. После исполнения договора истец просил половину выплаченных сумм в виде процентов за пользование займом взыскать с другого общества, ссылаясь на то обстоятельство, что между сторонами имеются взаимоотношения основного и дочернего общества. В удовлетворении иска отказано в связи с неустановлением обстоятельств того, что ответчик имел возможность давать обязательные указания для исполнения генеральному директору истца в одностороннем порядке. Суд пришел к выводу об отсутствии оснований для привлечения ответчика к солидарной ответственности.

В случае несостоятельности (банкротства) дочернего общества вина основного общества является необходимым условием ответственности, являющейся субсидиарной. Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 53 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 01.07.1996 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»¹⁷, порядок предварительного обращения кредитора к основному должнику может считаться соблюденным, если кредитор предъявил последнему письменное требование и получил отказ должника в его удовлетворении либо не получил ответа на свое

¹³ См. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2019), утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 24.04.2019 года // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Кархалев Д.Н. Механизм гражданско-правового регулирования охранительных отношений. Инфотропик Медиа, 2022 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Габов А.В. Ответственность основного акционерного общества по сделкам, заключенным дочерним обществом во исполнение указаний или с согласия основного общества // Государство и право. 2016. № 4. С. 90.

¹⁶ Шиткина И.С. Указ. соч.

¹⁷ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 9. 1997. № 5.

требование в разумный срок. С учетом изложенного привлечение основного общества к субсидиарной ответственности возможно в рамках дела о банкротстве дочернего общества.

В соответствии с пунктом 5 ст. 129 ФЗ № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве)¹⁸ конкурсный управляющий при наличии оснований, установленных федеральным законом, вправе предъявлять требования по обязательствам должника к основному обществу как контролирующему лицу. Как отмечает Г.В. Цепов, «из данной нормы вытекает не что иное, как обязанность контролирующего лица, руководя делами должника, не совершать никаких действий, которые, умышленно или неумышленно, могут привести к несостоятельности должника. Буквальное толкование приведенной нормы заставляет прийти к выводу о принципиальной невозможности заниматься предпринимательской деятельностью, используя конструкцию коммерческой корпорации»¹⁹. И далее делает вывод о том, что контролирующее лицо должно отвечать перед кредиторами должника за злоупотребление правом (ст. 10 ГК РФ), то есть за «те действия по руководству делами юридического лица, которые совершаются с намерением причинить вред кредиторам или являются иным заранее известно недобросовестным осуществлением прав по руководству делами юридического лица»²⁰.

Законодатель действительно в данном случае использует вину в качестве мерила гражданско-правовой ответственности применительно к самой предпринимательской деятельности за превышение пределов допустимого риска при угрозе несостоятельности, не делая никаких исключений относительно объема и способов воздействия, как это имело место в п. 2 ст. 67.3 ГК РФ. С позиции кредиторов совсем не важно, явной или скрытой является экономическая зависимость дочернего общества от основного, достаточно установить лишь состояние дочерности, а также то, что основное общество воспользовалось возможностью определять решения, принимаемые дочерним обществом. При этом действует презумпция вины основного общества.

Вместе с тем, как отмечено выше, в регрессном обязательстве необходимо установление вины каждого общества в возникновении долга, приведшего к несостоятельности дочернего общества. Заметим, что в регрессных обязательствах ответственность, возложенная по признаку причинения, реализуется на основании внутренне присущего ей признака – виновного причинения вреда. Пункт 3 ст. 67.3 ГК РФ закрепляет право участников дочернего общества требовать возмещения основным обществом (товарище-

ством) убытков, причиненных по его вине дочернему обществу. Однако и у самого дочернего общества есть право регресса к основному обществу, которым оно может воспользоваться в рамках дела о банкротстве. Пленум ВАС РФ в пункте 53 своего Постановления от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве»²¹ разъяснил возможность обратиться с подобным иском после завершения конкурсного производства либо прекращения производства по делу о банкротстве в общесквозном порядке в пределах оставшегося срока исковой давности. Но в случаях, когда стоит вопрос о праве на существование дочернего общества, требования о возмещении упомянутых убытков все же должны быть предъявлены и рассмотрены в рамках дела о банкротстве.

В свою очередь, пунктом 3 ст. 61.15 Закона о банкротстве привлеченные к субсидиарной ответственности лицо наделяется правом регресса к должнику по делу о банкротстве в размере выплаченной суммы, которое удовлетворяется после всех других требований, включенных в реестр требований кредиторов, и требований, подлежащих удовлетворению после требований, включенных в такой реестр. Как отмечает О.В. Гутников, такая возможность существует у контролирующего лица, если оно «формально» привлечено к субсидиарной ответственности²². Думается, подобной ситуации с участием основного и дочернего общества возникнуть не может, поскольку основное общество привлекается к ответственности лишь при условии наличия его вины.

Несмотря на ограниченную правосубъектность дочернего общества как должника в деле о банкротстве, вопрос о его самостоятельности и праве на существование сохраняет свою актуальность до окончательного разрешения регрессных требований. Так, В.Ф. Попондопуло, рассматривая вопросы банкротства в рамках предпринимательской группы, негативно отзывает о возможности рассмотрения дел о банкротстве в отношении ее участников в одном производстве. «Представляется, что такая форма консолидации размывает понятие юридического лица, ведет к утрате правосубъектности должников – юридических лиц, входящих в одну группу. Российское законодательство о банкротстве предусматривает достаточно правовых средств..., например: оспаривание сделок должника в деле о банкротстве, привлечение к ответственности контролирующих должника лиц (которые, в свою очередь, могут быть признаны банкротами при недостаточности их средств для удовлетворения требований кредиторов основного должника) и др.»²³.

¹⁸ Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

¹⁹ Цепов Г.В. Можно ли судить за алчность? Ответственность контролирующих лиц коммерческой корпорации перед кредиторами за принятие чрезмерного предпринимательского риска при угрозе несостоятельности // Закон. 2016. № 8 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁰ Цепов Г.В. Указ. соч.

²¹ Вестник ВАС РФ. 2012. № 8.

²² Гутников О.В. Современное корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики. Отв. ред. О. В. Гутников. М., Статут, 2021. С. 511.

²³ Попондопуло В.Ф. Правосубъектность как общая предпосылка правообладания: дискуссионные вопросы // Журнал российского права. 2025. № 3. С. 73.

Таким образом, состояние дочерности хозяйственного общества само по себе не ограничивает его самостоятельность, однако предполагает наличие контроля со стороны основного общества за его действиями. При этом организационное воздействие со стороны основного общества может иметь место как в отношении конкретных сделок, так и в отношении всей деятельности дочернего общества. Отсутствие у контролируемого лица автономии воли свидетельствует не только о состоянии дочерности, влекущем ответственность основного общества по долгам до-

черного, но и свидетельствует о совершении основным обществом гражданско-правового нарушения, выразившегося в несоблюдении закрепленного в ст. 48 ГК РФ принципа самостоятельности и ответственности юридического лица. Думается, данное нарушение, представляющее собой злоупотребление правом, может быть пресечено в судебном порядке по иску заинтересованного лица на основании статьи 1065 ГК РФ «Предупреждение причинения вреда» о принудительной ликвидации фиктивного юридического лица.

Библиографический список

1. Габов А.В. Экономическая зависимость юридических лиц: отдельные размышления о развитии института // Гражданское право. – 2022. – № 3. – С. 11-21.
2. Габов А.В. Ответственность основного акционерного общества по сделкам, заключенным дочерним обществом во исполнение указаний или с согласия основного общества // Государство и право. – 2016. – № 4. – С. 81-95.
3. Гражданское право: учеб.: в 3 т. Т. 1 / под ред. А.П. Сергеева. – М.: Проспект, 2021. – 1040 с.
4. Громов В.В. Правовой статус основного хозяйственного общества как субъекта гражданско-правовой ответственности по обязательствам дочернего общества. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – 27 с.
5. Гутников О.В. Современное корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики. Отв. ред. О. В. Гутников. – М., Статут, 2021. – 526 с.
6. Захаров А.Н. Привлечение основного общества к солидарной ответственности по обязательствам дочернего общества: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2015. – 243 с.
7. Кархалев Д.Н. Механизм гражданско-правового регулирования охранительных отношений. Инфотропик Медиа, 2022.
8. Ломакин Д.В. Принцип самостоятельной ответственности юридического лица: правило и исключения // Вестник гражданского права. – 2020. – № 1. – С. 93-110.
9. Попондопуло В.Ф. Правосубъектность как общая предпосылка правообладания: дискуссионные вопросы // Журнал российского права. – 2025. – № 3. – С. 67-78.
10. Суханов Е.А. О систематике юридических лиц в современном российском праве // Кодификация российского частного права 2019. Под ред. Д.А. Медведева. «Статут», 2019. – С. 83-96.
11. Цепов Г.В. Можно ли судить за алчность? Ответственность контролирующих лиц коммерческой корпорации перед кредиторами за принятие чрезмерного предпринимательского риска при угрозе несостоятельности // Закон. – 2016. – № 8.
12. Шиткина И.С. Основания и правовые последствия отношений дочерности хозяйственных обществ (комментарий к ст. 6 Закона об ООО) // Хозяйство и право. – 2020. – № 7.

Рецензент: Томина А.П., заведующий кафедрой гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент.